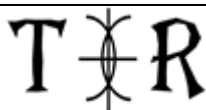

Библиотека
сайта
«TERRA

Выпуск
5
RELIGIOSA»

В·В·БАРАШКОВ
А·А·БУРНАШЕВА
В·В·ВИНОКУРОВ
И·П·ДАВЫДОВ
Д·С·ДАМТЕ
С·В·ДМИТРИЕВ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

MAGNUM·IGNOTUM

•ТОМ ЧЕТВЁРТЫЙ•

МОСКВА • КАСТАЛИЯ • 2017

УДК 882
ББК 63.2 86.23 87.3

**Барашков Виктор Владимирович, Бурнашева Асия Анваровна,
Винокуров Владимир Васильевич, Давыдов Иван Павлович,
Дамте Давид Соломонович, Дмитриев Сергей Владимирович**

**MAGNUM IGNOTUM. Том 4: Психология религии
и психоанализ. / Под общ. ред. И.П. Давыдова. – М.:
Клуб «Касталия», 2017. – 333 с. (Серия: «Библиотека сайта
"TERRA RELIGIOSA"» Вып. 5)**

В четвертом томе коллективной монографии, написанной сотрудниками и выпускниками кафедры философии религии и религиоведения философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, продолжают медиевистические и религиоведческие исследования, начатые в предыдущих выпусках. Новый том по своему замыслу несколько отличается от трех предыдущих, т.к. он построен вокруг персоналий, затрагивавших в своем творчестве различные аспекты психологии религии и психоанализа. В материалах первого раздела («Запад»), помимо прочего, нашли свое отражение взгляды Карла Густава Юнга (1875–1961), Пауля Рэдина (1883–1959), Теодора Райка (1888–1969), Марии-Луизы фон Франц (1915–1998), Эдварда Эдингера (1922–1998), Теодора Абта (род. 1947 г.), Джеймса Хиллмана (1926–2011) и других корифеев социальной антропологии, психологии религии и психоанализа, иллюстрировавших свои теории, в частности, примерами из древних и средневековых восточных и западных религиозных традиций эпохи «Долгого Средневековья». Второй раздел («Восток») – буддологический; он посвящен истории зарождения и становления буддийских психопрактик дальневосточной Махаяны, в первую очередь, в раннесредневековых государствах Индокитая и в Японии.

Рецензенты:

Подмор, Колин – доктор истории (Великобритания)
Крылов А.Н. – директор Берлинского Вест-Ост-института,
доктор философии, профессор (Германия)
Тажуризина З.А. – докт. филос. наук,
заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова

Издание осуществлено при **финансовой** поддержке интеллектуального Клуба «КАСТАЛИЯ» (URL: <https://castalia.ru/>) и **информационной** поддержке сайта «TERRA RELIGIOSA» URL: <http://terrareligiosa.jimdo.com>.

Модерация сайта «TERRA RELIGIOSA», художественное оформление, дизайн и общая редакция книжной серии – Давыдов И.П.

В оформлении обложки использована фотография из личного фотоархива И.П. Давыдова.

ISBN

© Коллектив авторов, 2017
© Клуб «Castalia» («Касталия»), 2017

Глава 1

ТЕОДОР РАЙК

и его взгляд на основные проблемы психологии религии

Наследие **Теодора Райка** (1888–1969) и одно из его главных сочинений по психологии религиозного ритуала, перевод фрагмента которого мы публикуем на страницах очередного тома нашей коллективной монографии¹, практически никак не затронуто в отечественных гуманитарных исследованиях. Его многочисленные труды по психологии культуры и религии остались неизвестными отечественному читателю, не получив широкого распространения и в Западной Европе. А, между тем, история психоаналитического движения немыслима без таких ученых, как Карл Абрахам, Отто Ранк. Оскар Пфистер или Теодор Райк. Их всех объединяет то, что они были учениками Зигмунда Фрейда и восприняли от него определенный строй мыслей, наложивший отпечаток на их дальнейшее научное развитие. Однако между ними и учителем было немало серьезных разногласий. О том, насколько глубокими они были, свидетельствует хотя бы отход Ранка в начале 1920-х годов от фрейдизма (в связи с концепцией «травмы рождения», которую разрабатывал Ранк), а также один из самых известных эпизодов истории психоанализа (и глубинной психологии в целом) – раскол между Фрейдом и Карлом Густавом Юнгом, который привел Юнга к созданию собственного оригинального учения – аналитической психологии, имеющей большую популярность в

¹ Сверку–перевод выполнил **Давид Соломонович Дамте** по изданию: *Reik T. Das Ritual. Psychoanalytische Studien.* – Leipzig – Wien – Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1928. – S. 7–24.

наше время (о ней спец. см. ниже – глл. 2, 3, 4 настоящего издания. – *Примеч. ред.*).

С именем Райка не связано никаких громких историй и расколов, его работы не производили того ошеломляющего действия, какое имели труды Фрейда или Юнга, постоянно подвергавшиеся критике со всех сторон. Райк был более последовательным, хотя и весьма аккуратным, в развитии идей Фрейда. Можно сказать, что он всегда находился «в тени» своего учителя, последователем которого он оставался на протяжении практически всей своей жизни. Отчасти этим объясняется то, что его работы совершенно незаслуженно оказались преданными забвению.

Как и другие ученики Фрейда, такие как, например, Карл Абрахам, Отто Ранк или Эрнст Джонс, Теодор Райк в своих работах стремится выйти за рамки строго психологического анализа патологических случаев, показывая, каким образом психоаналитическая теория может применяться в науках о духе, применяя ее к исследованию произведений мировой литературы, живописи, шедеврам скульптуры. Начало этому направлению, позже оформившемуся в *психоанализ культуры*, положил сам основатель психоанализа Зигмунд Фрейд своими работами «Толкование сновидений» и «Тотем и табу», а также своей небольшой статьей «Навязчивые действия и религиозные обряды».

Все труды Райка можно условно разделить на несколько блоков. Это, во-первых, его сочинения по общим проблемам психоанализа. Далее можно выделить работы по психоанализу культуры. Сюда входят как его ранние сочинения, посвященные творчеству Гюстава Флобера [9] и Артура Шницлера [5], так и зрелые сочинения, посвященные творениям Гете [19], критике теории культурного прогресса у Фрейда [10] и по психологии остроумия [11]. Еще один блок – труды по психологии религии и психоаналитической интерпретации библейских текстов. В том, что касается собственно проблем психологии религии, Райку удалось внести существенный вклад главным образом двумя своими фундаментальными работами, одна из

которых называется «Догма и навязчивая идея» [7], а вторая – «Проблемы религиозной психологии» [14] (во втором издании 1928 года – «Ритуал. Психоаналитические исследования» [18]). В основу одного из главных религиозно-ведческих сочинений Райка «Догма и навязчивая идея» легли идеи Фрейда, изложенные им в упомянутой выше статье «Навязчивые действия и религиозные обряды». Райк разрабатывает аналогию догматического мышления и навязчивых представлений и действий у невротиков. Боязнь отклониться от стереотипов мышления, страх перед новациями, стереотипный характер определенных действий и (в ряде случаев) буквализм мышления – таковы, в общем, черты, которые Фрейд, а вслед за ним и Райк [7, с.100–101], считали схожими в поведении невротика и религиозного человека.

Несколько ранее, еще в своей работе «Проблемы религиозной психологии», Райк также рассматривает указанную аналогию. Об этой книге, фрагмент которой в переводе на русский язык мы представляем теперь читателю, стоит сказать чуть подробнее. Она состоит из четырех глав (статей, опубликованных на страницах известного журнала «Имаго»), каждая из которых представляет собой вполне законченное целое произведение. Их названия: «Кувада и психогенез боязни возмездия», «Ритуалы переходного возраста у примитивных народов», «Кол Нидре» и «Шофар»². Не вдаваясь в подробности, очертим контуры того подхода, которого придерживается Райк в своей работе и посмотрим, как он развивается далее в других его трудах, а также постараемся показать, какие вопросы перед современным исследователем анализ трудов Райка.

² Напомним, что *кувада* – обрядовая имитация родов мужьями рожениц, символические действия, совершаемые мужчинами во время беременности жен и в послеродовой период. *Кол Нидре* (в переводе: «все обеты») – провозглашение отказа от обетов, зарок и клятв, относящихся только к давшему их. Название в первом лице множественного числа и названо по двум начальным словам. Произносится раз в году в начале вечерней молитвы в Йом-Киппур, обычно на арамейском языке. *Шофар* – духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога барана или козла. Шофар – неперенный атрибут празднования Рош ха-Шана (еврейский Новый год).

Райк подчеркивает, что ритуал в качестве основного объекта исследования он принимает вследствие его наглядности, эвристической ценности, которая никак не предпрещает вопрос о его значении для той или иной религиозной традиции в целом. Предпочтение в данном случае ритуала не означает, что ритуал является простейшим из элементов религии, который прежде всего подлежит психологическому анализу. Психологический выбор в пользу ритуала ничего не говорит также о его значении в целом для религии.

Определенную роль в формировании религиозоведческого подхода Райка (как и Фрейда) сыграла книга Робертсона Смита «Лекции по религии семитов». Это сочинение, в котором Смит настаивает на первичной роли обряда по отношению к мифу, стало одним из определяющих векторов формирования взглядов Райка на природу религии. Райк рассматривает психологический анализ религиозных ритуалов как подготовительную ступень к анализу более сложных явлений, таких как миф, догматы или культ. Подобно тому, как в психоанализе мы исследуем раннее детство индивида, чтобы понять внутренние конфликты, которые он переживает в настоящее время, точно также средства психоанализа помогают нам раскрыть природу некоторых характерных черт современного религиозного сознания через исследование его ранних ступеней [18, с.24]. Райк рассматривает психологический анализ религиозных ритуалов как подготовительную ступень к анализу более сложных явлений, таких как миф, догматы или культ.

С самого начала книги он несколько раз повторяет, что психоаналитический метод – только один из методов, один из инструментов работы ученого. Он не может заменить какой-либо другой метод или вытеснить его, напротив, он может дополнить уже имеющиеся методы исследования, помочь увидеть новые грани сложной душевной жизни человека:

«Мы стремимся к тому, чтобы научная разработка психоаналитической точки зрения получила равные права в ряду иных уже признанных мето-

дов исследования. Сознывая необходимость самоограничения, психоанализ тем настоятельнее требует своего вовлечения в дело, чем яснее становится, что даже – и в особенности – при исследовании религий встречается целый ряд проблем, решить которые без помощи психоанализа невозможно. Те вопросы, в разрешении которых он может иметь успех, суть не малозначительные, а, возможно, самые существенные вопросы религиозной психологии. Впрочем, только синтез результатов, полученных при помощи всех методов, может показать, какое место в отношении к целому, в конечном счете, займут результаты психоаналитического исследования. Перед таким обобщением также встает задача всестороннего освещения и исследования проблемы, которую психоанализ не в состоянии решить своими силами. Этот синтез должен будет показать, каким образом бессознательные влечения, которые анализ рассматривает как определяющие факторы становления и сущности религии, относятся к продуктам сознательной и высшей душевной деятельности, наряду с примитивными функциями бессознательного он должен отграничить сферу действия других функций психического аппарата» [18, с. 14].

Это весьма важно зафиксировать, поскольку до сих пор вопрос о границах психоаналитической интерпретации, который мы затронем ниже, стоит довольно остро.

Теодор Райк является автором ряда интересных трудов, посвященных проблемам психоаналитической интерпретации мифа и библейских текстов. В отличие от Фрейда, усматривавшего скрытую основу многих литературных произведений в Эдиповом комплексе, или Ранка, который говорит о широком распространении в текстах мировой литературы мотива инцеста и отголосков «травмы рождения», Райк обращает наше внимание на другой скрытый мотив – воспоминание об инициации. Сведения об обрядах инициации, которые относятся к более широкой группе обрядов перехода, Райк почерпнул из работ выдающегося французского этнографа Арнольда ван Геннепа³.

После проведения всех необходимых в рамках обряда действий посвящаемый приобщается к сокровищнице знаний племени и становится в полном смысле этого слова мужчиной, то есть, как говорит Райк (в своей ставшей весьма популярной статье «Обряды переходного возраста у дикарей»), он избавляется от инцестуозных влечений, – с точки зрения психоанализа, характерных для детства, –

³ Работу ван Геннепа «Обряды перехода» также можно признать одним из плодотворных источников мысли Райка.

и его враждебное отношение к отцу сменяется послушанием и признанием прав последнего. Из его сознания должно исчезнуть всякое воспоминание о детской жизни. Но для этого он должен пройти немало испытаний, среди которых повреждение определенных частей тела, мнимая смерть (глубокий сон) и последующее воскрешение, полная изоляция и пищевые запреты. Они имеют глубокий психологический смысл и служат одной цели – подавить детские конфликты и искоренить всякую ненависть к отцу, чтобы человек в буквальном смысле начал новую жизнь [17, с. 124–125]; [16, с. 333–335, 339].

Райк делает еще один шаг вперед и говорит, что в библейских текстах мы точно также находим отголоски воспоминаний об обрядах инициации. В своей поздней (написанной по-английски во время жизни в США) работе «Творение женщины: психоаналитическое исследование мифа о Еве» Райк отмечает глубокое сходство, которое существует между сюжетами некоторых библейских рассказов и существенными чертами обрядов инициации. Такое сходство Райк открывает в истории творения Евы из ребра Адама. Согласно Райку, в этом рассказе изоляция иницируемого, погружение его в сон, повреждение определенных частей тела новичка и в дальнейшем возможность вступить в общение с женщиной указывают на сходство того, что происходит с Адамом, с тем, через что проходит новичок во время инициации. Это позволяет Райку сделать вывод о том, что на самом деле за историей о творении Евы скрывается искаженная история инициации Адама [6, с. 76, 94]. Чтобы понять это, нам нужно погрузиться в ткань исследуемого текста, обратиться к древней истории, то есть «погрузиться» в текст и в контекст, что, по мнению Райка, сближает работу психоаналитика-интерпретатора (человеческих переживаний или определенных текстов) и археолога. Поэтому свой метод он в той же работе называет «археологическим психоанализом» [6, с. 107].

Как и история творения Евы, некоторые другие библейские рассказы (см. раннюю работу Райка «Психоана-

литические исследования по библейской экзегезе» [16]), также имеют своим глубинным основанием мотив воспоминаний об инициации. К их числу принадлежит, например, известный эпизод из книги Бытия, где Иаков борется с Богом (Быт 32, 24–31). Одиночество, борьба с превосходящим по силе существом, повреждение части тела (бедра), за которым, согласно Райку, стоит воспоминание об обрезании (эквивалент кастрации), а также то, что затем Иаков получает новое имя (Израиль), то есть возрождается в новом облике и с новым именем – все это определенно указывает на воспоминание об обрядах инициации, скрытое за этим рассказом.

Таковы некоторые из классических образцов психоаналитической интерпретации текстов, представленных Райком. В поздний (американский) период своего творчества Райк снова возвращается к проблемам религии, в частности, к исследованиям некоторых основополагающих сюжетов ветхозаветной истории, описанных в библейской книге Исход, которые он также рассматривает в контексте ритуалов инициации [12]; [13]; [15]. Здесь психолог снова выступает в качестве своего рода «археолога», постоянно приближаясь к тому пределу, к которому позволяет подойти психологическое исследование феноменов культуры и религии.

Работы Райка по психоаналитическому исследованию текстов и обрядов (в частности, иудейских) сыграли значительную роль как в развитии психоанализа культуры, так и в современной психологии религии. Мы видим, что уже в работах учеников Фрейда и, в частности, у Райка психоанализ отрывается от своих первоначальных (медицинских) целей. Этот «отрыв» со временем только нарастал. Такое расширение психоанализа имело неоднозначные последствия. С одной стороны, оно привело его к отходу от первоначальных научных оснований. В связи с этим встает проблема научного статуса психоанализа, которую мы никак не можем здесь анализировать (см.: [1, с. 103–107]; [2, с. 75–76]). С другой стороны, это расширение способствовало сближению психоанализа с науками о ду-

хе, что, в свою очередь, приводило к плодотворным дискуссиям с представителями этих наук по различным вопросам. Следует подчеркнуть и еще один важный аспект: в процессе такого развития психоанализа сформировались предпосылки для проникновения психоаналитических подходов в пастырскую работу и в сферу практической теологии, о чем свидетельствует пример того же Пфистера, который одновременно был и пастором, и прекрасным аналитиком.

Можно по-разному относиться к построениям представителей классического психоанализа в сфере гуманитарных наук, но при этом остается несомненным, что они вызвали бурную реакцию, в науках о духе шли и продолжают в настоящее время дебаты вокруг тех или иных психологических интерпретаций и правомерности перенесения психоаналитических теоретических конструкций и понятийного аппарата на сферу культуры и религии. Психоаналитик часто выступает в роли интерпретатора, при этом часто складывается впечатление, что при такой интерпретации не проводится четкое различие между интерпретацией человеческого (а именно отклоняющегося от нормы) поведения или интерпретацией тех или иных событий истории религий и, например, анализом текстов. В этом случае психоаналитический метод воспринимается как универсальный ключ, который подходит практически к любому материалу. Любой факт, историю, текст можно рассматривать с регрессивной точки зрения как то, что отсылает к прошлому, к детству человека или человечества. Однако такая интерпретация приводит к тому, что в итоге не остается места для движения вперед и развития. С текстами дело обстоит точно также: движения там нет, а есть вращение вокруг известных сюжетов, неизжитых конфликтов и травм (Эдипов комплекс, комплекс кастрации, аморальные желания, травма рождения и прочее), которые «проговаривает» автор. Это и целый ряд других противоречий может указать вдумчивый критик в культурологических построениях представителей классического психоанализа или – говоря в общем – психологии бессо-

знательного. К этим же вопросам мы возвращаемся при изучении текстов Райка. Однако факт заключается в том, что мы вряд ли возможно найти другое современное психологическое направление, которое, подобно психоанализу, также заинтересованно занималось бы вопросами культуры в самом широком смысле слова.

Интересна история русского перевода книги, фрагмент которой мы предлагаем ныне вниманию читателя.

В 1920-х гг. в СССР наблюдается устойчивый интерес к психоанализу и всплеск переводов аналитиков. Был разработан план книжной серии под названием «Психологическая и психоаналитическая библиотека», которая впоследствии стала легендарной. Она выходила под эгидой Государственного Психоаналитического института (ГПИ), существовавшего до 1926 года. На базе ГПИ еще в конце 1921 г. был создан Кружок по изучению художественного творчества, куда, помимо И.Д. Ермакова, вошли русский психиатр А.Н. Бернштейн, известный историк искусств, переводчик и один из соратников Г.Г. Шпета по ГАХН А.Г. Габричевский, руководитель Государственного издательства и один из создателей Русского психоаналитического общества О.Ю. Шмидт и ряд других значительных в интеллектуальном отношении фигур того времени. Идеями вдохновителями серии «Психологическая и психоаналитическая библиотека», издававшейся при Институте, стали выдающиеся русские аналитики М.В. Вульф (аналитик, талантливый ученик Карла Абрахама, переводчик) и И.Д. Ермаков (осуществлявший редакцию переводов). Общая концепция серии была продумана до деталей именно ими. Достоин глубокого уважения факт, что в рамках серии им (при участии еще некоторых талантливых людей) удалось перевести и издать огромное количество литературы, которой мы пользуемся до сих пор. В частности, именно тогда на русском языке был опубликован перевод работы Фрейда «Тотем и табу» (используется до сих пор), его же статьи «Будущее одной иллюзии», а также более специальные статьи и работы Фрейда, «Пси-

хологические типы» К.Г. Юнга, его статьи в сборниках, работы Мелани Кляйн и т.д.

Но, как это часто бывает, далеко не все из задуманного было реализовано.

До нас постоянно доходили сведения о том, что в рамках серии планировался к изданию перевод книги Теодора Райка «Проблемы религиозной психологии», о которой мы говорили выше. Это подтверждается планами по изданию, обозначенными в конце каждого из выпусков серии. Согласно планам, книга Райка по психологии религии должна была выйти под номером XXI. Однако издание (по не совсем понятным причинам) не было осуществлено [3, с. 63].

Нам удалось обнаружить этот перевод. Он представляет собой рукопись (259 листов) с добавлением (напечатанной на машинке) обширной статьи М.А. Рейснера «Либи́до и рели́гия». Ни сам перевод, ни статья опубликованы не были. Переводчиков было трое, исходя из того, что в рукописи нам встречаются три разных почерка. На титульном листе в качестве переводчиков указаны В.Я. Тарасова и М.В. Вульф, фамилия которого позднее была зачеркнута и заменена на фамилию Салтыковой. Перевод не был доведен до конца (переведено 2,5 главы из работы плюс обширное *Введение* Райка и интересное *Предисловие* Фрейда). Переведенный текст отредактирован И.Д. Ермаковым, о чем свидетельствуют его собственноручные пометки.

Таким образом, мы имеем документы, значение которых трудно переоценить. Во-первых, ни одна из книг или статей Райка до сих пор не появлялась в русском переводе. Здесь мы получаем оригинальный труд по психологии религии и культуры. Во-вторых, статья Рейснера, предваряющая издание, является одним из интересных документов по истории русского психоанализа. Она характеризует как его собственные взгляды на проблемы психологии религии, так и в целом обнаруживает некоторые значительные черты направления, которое в современной

науке называется фрейдомарксизмом⁴. Вместе с тем, сам факт перевода книги свидетельствует об интересе к наследию Райка. Перевод страдает некоторыми неточностями, которые мы поставили себе целью исправить. К настоящему моменту мы подготовили *Предисловие* Фрейда и *Введение* Райка, имеющие самостоятельное значение, которые дают представление о некоторых базовых принципах психоаналитической интерпретации.

* * *

Теодор Райк

РИТУАЛ.
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
Предисловие проф. З. Фрейда (1919)

Психоанализ возник вследствие стремления врачей помочь тем нервнобольным, лечение которых покоем, водой или электричеством не приносило им облегчения. В высшей степени примечательное наблюдение Й. Брейера⁵ подало надежду на то, что помощь этим больным будет более эффективной, если мы будем знать не раскрытое прежде происхождение симптомов их болезни. Таким образом, психоанализ, первоначально сугубо врачебная техника, с самого начала столкнулся с исследованием более широких скрытых психических связей.

На дальнейшем пути своего развития психоанализ отклонился от изучения соматических условий нервных заболеваний в необычайной с точки зрения медицины степени. Зато ему пришлось иметь дело со всем психическим содержанием человеческой жизни, включая жизнь здоровых, нормальных и даже сверхнормальных людей. Ему пришлось интересоваться аффектами и страстями, в особенности теми, которые постоянно изображают и воз-

⁴ Позднее, в других публикациях, мы представим и эту статью.

⁵ **Йозеф Брейер** (Josef Breuer, 1842–1925) – австрийский врач, коллега и друг Зигмунда Фрейда. Наряду с Зигмундом Фрейдом, считается основателем психоанализа. – *Прим. Д. Дамте.*

величивают поэты, – аффектами любовной жизни, ему пришлось познать власть воспоминаний и ту неожиданную роль, какую играют детские годы в созидании зрелой души, силу желаний, искажающую человеческие суждения и предписывающую его стремлениям определенные пути. Одно время даже казалось, что психоанализу суждено раствориться в психологии и что он не сможет указать, где различие между психологией здорового и больного человека.

Однако на пути психоанализа встала проблема сновидения. Сновидение есть ненормальный продукт душевной жизни, который при регулярно повторяющихся психических условиях формируется у нормальных людей. Когда психоанализ раскрыл загадку сновидения, в бессознательной сфере души обнаружилась общая почва, в которой коренятся и высшие, и низшие душевные движения и которая порождает как вполне нормальные, так и болезненно искаженные проявления душевной жизни. Теперь все яснее и яснее вырисовывалась картина жизни человеческой души. В низшей сфере – темные влечения органического происхождения, стремящиеся к своим собственным целям, над ними – инстанция высокоорганизованных душевных образований, сложившихся под давлением истории человечества как следствие его развития. Они восприняли в себя часть низших влечений, развили их или поставили перед ними высшие задачи; во всяком случае, связали их с собой крепкими узами и распоряжаются их силой сообразно со своими собственными целями. Другую часть тех же самых элементарных влечений эта высшая организация, знакомая нам под названием Я, отвергла как непригодную, потому что эти влечения не могли подчиниться органическому единству индивидуальности или же потому, что они восстали против ее культурных целей. Я не в состоянии уничтожить эти неподчиняющиеся ему душевные силы, оно отворачивается от них, оставляет их на самом низком психическом уровне, защищается от их посягательств с помощью защитных механизмов и сопротивления или пытается отделаться от них при помощи за-

мещающего удовлетворения. Необузданные и неистребимые, но стесненные в своей деятельности влечения, которые подверглись вытеснению, вместе с их примитивными душевными проявлениями, всегда готовые осуществить свои притязания и достичь удовлетворения окольными путями, образуют низшую сферу души, ядро самого бессознательного. Отсюда неустойчивость величественной психической надстройки, прорыв запрещенного и вытесненного в сновидениях, возможность неврозов и психозов, возникающая, как только соотношение между Я и вытесненным складывается не в пользу Я.

Ближайшее рассмотрение показывает, что такое понимание жизни человеческой души не может ограничиваться областью сновидений и нервных болезней. Если благодаря ему раскрывалось нечто истинное, то его следовало применить и к нормальным душевным явлениям. Даже высшие достижения человеческого духа должны были обнаружить свою причастность к патологическим моментам, к факту вытеснения, к усилиям победить бессознательное, к возможности удовлетворить примитивное влечение. Возникло непреодолимое искушение, научный завет, применять психоаналитический метод исследования, выходя далеко за пределы его родной почвы, в различных науках о духе. И основная психоаналитическая работа с больными постоянно напоминала об этой задаче, потому что нельзя было сомневаться в том, что отдельные формы неврозов сильно напоминают в высшей степени ценные создания нашей культуры. Истерик – несомненный поэт, хотя он и изображает свои фантазии по большей части мимически, не считаясь с пониманием других людей; церемониалы и запреты больного неврозом навязчивости вынуждают нас сделать вывод о том, что он создал себе частную религию; и даже бред параноиков проявляет нежелательное внешнее сходство и внутреннее родство с системами наших философов. Нельзя отделаться от впечатления, что больные в асоциальной форме предпринимают те же попытки разрешения своих конфликтов и удовлетворения настойчиво заявляющих о себе потребностей,

которые носят название поэзии, религии и философии, если они осуществляются в форме, приемлемой для большинства.

В 1913 году в своей чрезвычайно богатой идеями работе О. Ранк⁶ и Г. Закс⁷ обобщили имеющиеся на тот момент результаты применения психоанализа в науках о духе⁸. Оказалось, что с помощью психоанализа легче всего подойти к областям мифологии, истории, литературы и религии. Что касается мифа, то окончательная формулировка, которая бы указала его место в этой связи, еще не найдена. Отто Ранк в своей большой книге о комплексе инцеста⁹ сделал неожиданное указание на то, что выбор материала, особенно в драматической поэзии, в значительной мере определяется объемом комплекса, который в психоанализе называется Эдиповым. В переработке этого комплекса, в различных его изменениях, искажениях и маскировках поэт пытается изжить свое собственное от-

⁶ **Ранк** (Розенфельд) **Отто** (Rank (Rosenfeld) Otto, 1884–1939) – австрийский психоаналитик, ученик Фрейда. Автор ряда фундаментальных работ по психологии литературного творчества, мифов и сказок, внес существенный вклад в развитие психоаналитического направления в психологии религии. Создал оригинальную концепцию травмы рождения, в которой видел одно из фундаментальных оснований культурного развития человечества. По мысли Ранка, травма рождения возникает вследствие отделения от матери и преодолевается человеком в ходе его культурного развития, хотя не полностью и не всегда успешно. В своей работе «Травма рождения» Ранк рассматривает попытки человека примирить насильственное отделение от матери с инстинктивной тенденцией возвращения к ней в мифологии (главным образом, в героических мифах), в сказках, в религиозных представлениях и в художественном творчестве. – *Прим. Д. Дамте*.

⁷ **Закс Ганс** (Sachs Hanns, 1881–1947) – австрийский психоаналитик, один из последователей Фрейда. Один из издателей психоаналитического журнала «Имаго», посвященного применению психоаналитического метода в науках о культуре. Автор ряда работ по психологии литературного творчества.

⁸ *Rank O. Sachs H. Die Bedeutung der Psychoanalyse für die Geisteswissenschaften.* – Wiesbaden: Bergmann, 1913. (Эта работа была переведена на русский язык почти сразу же после своего выхода. См.: Ранк О. Закс Г. Значение психоанализа в науках о духе. Пер. с нем. М. Кобылинской. – СПб: Попов, 1913. Современное издание этой работы читатель найдет в книге: Ранк О. Миф о рождении героя. – М. – Киев: Рефл – Бук; Ваклер, 1997. – *Прим. Д. Дамте*).

⁹ Фрейд имеет в виду не переведенное на русский язык сочинение: *Rank O. Das Inzest-Motiv in Dichtung und Sage. Grundzüge einer Psychologie des dichterischen Schaffens.* – 2. Auflage. – Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1926. Указаны данные второго издания работы. – *Прим. Д. Дамте*.

ношение к этой аффективной теме. Эдипов комплекс, то есть аффективная установка по отношению к семье, в узком смысле – к отцу и матери, есть то содержание, в борьбе с которым терпит неудачу невротик и которое поэтому неизменно образует ядро его невроза. Своим значением этот комплекс обязан отнюдь не непонятным для нас совпадениям, а биологическому факту длительной несамостоятельности и медленного созревания молодого человека. Точно также сложный процесс развития способности любви накладывает свой отпечаток на отношение к родителям и приводит к тому, что преодоление Эдипова комплекса совпадает с целесообразной победой над архаическим, животным наследием человека. Здесь уже заложены все те силы, которые необходимы для дальнейшего культурного развития индивида: однако сначала они должны быть выделены и переработаны. В том виде, как оно дано в отдельном человеке, это архаическое наследие непригодно для целей социальной и культурной жизни.

Нужно сделать еще один шаг вперед, чтобы найти исходную точку психоаналитического исследования религиозной жизни. То, что сегодня является наследием каждого, некогда было приобретением, передававшимся по цепочке поколений от одного к другому. Поэтому Эдипов комплекс также может иметь свою историю развития, а изучение доисторических времен может привести нас к ее пониманию. Исследование предполагает, что семейная жизнь человека в отдаленные времена имела совсем иной вид, чем теперь, и это предположение подтверждается состоянием примитивных народов, живущих в настоящее время. Если подвергнуть исторический и этнологический материал по этому вопросу психоаналитической обработке, то получается неожиданно точный результат: было время, когда бог-отец жил во плоти на Земле, был предводителем первобытной человеческой орды и проявлял над ней свою власть до тех пор, пока сыновья, объединившись, не убили его. Под влиянием этого освобождающего преступления как реакция на него возникли первые социальные образования, основные моральные ограничения и са-

мая старая форма религии – тотемизм. Более поздние религии имеют то же содержание и стараются, с одной стороны, стереть следы преступления или искупить их, давая новый исход борьбе между сыновьями и отцом, а, с другой стороны, – неизбежно повторяют устранение отца. В мифе также можно услышать отголоски этого события, которое имело колоссальные последствия для развития человеческого рода в целом.

Эту гипотезу, основанную на достижениях Робертсона Смита¹⁰, развитую мной в «Тотеме и табу» (1912), Т. Райк положил в основу своих исследований проблем религиозной психологии, первый том которых выходит в виде этой книги¹¹. В соответствии с психоаналитической техникой, эта работа начинается с анализа прежде непонятых частных религиозной жизни, для того, чтобы через их объяснение найти ключ к ее глубочайшим предпосылкам и целям. Она все время имеет в виду связь первобытных и ныне живущих примитивных народов, а также связь культурных достижений с невротическим замещением. В прочем остается лишь указать на введение автора и выразить ожидание, что его работа сама зарекомендует себя у специалистов.

¹⁰ Смит Уильям Робертсон (Smith William Robertson, 1846-1894) — выдающийся шотландский библеист, религиовед и исследователь мифологии. Фрейд занимается интерпретацией тотемизма, а также понятие «тотемической трапезы», развитое Робертсоном Смитом в его сочинении «Религия семитов», первое издание которой вышло в 1889 году. См.: Smith W. R. Lectures on the Religion of the Semites. Edinburgh, 1889 (2d ed., London, 1894).

¹¹ Второй том не вышел.

Введение доктора Теодора Райка

*Если же превозносишься, то вспомни,
что не ты корень держишь, но корень тебя.*
Рим. 11:18

I.

Четыре работы, соединенные в этой книге, представляют собой развитие докладов, прочитанных в 1914 и 1919 годах в Берлинской и Венской группах Международного психоаналитического союза. Этим прежде всего определяется специфическое черта, которая отличает их от других работ по психологии религии: метод этих четырех работ – психоаналитический.

Такая исходная точка во многих отношениях определяет изложение и содержание этой книги. Изложение должно соответствовать особенностям психоаналитического метода и предполагать, что читателям известна большая и важная часть результатов, к которым пришли психоаналитические исследования. Ссылки на труды основателя психоанализа проф. З. Фрейда и его учеников, а также на различные изложения психоаналитического учения заменят подробное введение¹².

Что касается содержания этой книги, то постоянное применение психоаналитической точки зрения окажет существенное влияние на выбор проблем, на характер их исследования и приведет к отказу от полного и всестороннего их разрешения. Здесь будут рассматриваться только такие вопросы, к освещению которых психоанализ в данное время может прибавить нечто новое. Но, однако, из большого числа таких вопросов будут выделены только некоторые и немногие. Мы не стремимся построить психологию религии на психоаналитическом основании, но хотим выяснить на отдельных показательных примерах,

¹² В первом издании (1919) здесь приводится ссылка: «Обзор психоаналитической литературы даст «Jahrbuch der Psychoanalyse (последний выпуск за 1914 год), а также изданные Фрейдом журналы – «Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse» и «Imago»». – Прим. Д. Дамте.

что может сделать для решения трудных религиозных проблем психоанализ с помощью имеющихся у него средств.

Психоаналитическое исследование не хочет обесценить труды специалистов, но лишь дополнить их с определенной стороны. Поэтому оно поставило себе целью выделять те стороны проблем, которые, по-видимому, поддаются решению при помощи психоаналитического метода. При этом, если и не всегда достаточно ясно подчеркивается, то во всяком случае ни на минуту не упускается из виду, что есть и другие стороны исследуемых проблем, что природа религиозных явлений сложна и что только всестороннее исследование может дать полное и достойное их истолкование. Это сознательное ограничение, отказ от притязаний на всестороннее решение вопросов, кажется нам и необходимым, и желательным. Средства и задачи психоанализа ориентированы главным образом на область *бессознательных* движений души. Только к проявлениям такого рода и к их связи со сферой сознания может быть плодотворно применен психоанализ.

Мы стремимся к тому, чтобы научная разработка психоаналитической точки зрения получила равные права в ряду иных уже признанных методов исследования. Сознавая необходимость самоограничения, психоанализ тем настоятельнее требует своего вовлечения в дело, чем яснее становится, что даже – и в особенности – при исследовании религий встречается целый ряд проблем, решить которые без помощи психоанализа невозможно. Те вопросы, в разрешении которых он может иметь успех, суть не малозначительные, а, возможно, самые существенные вопросы религиозной психологии. Впрочем, только синтез результатов, полученных при помощи всех методов, может показать, какое место в отношении к целому, в конечном счете, займут результаты психоаналитического исследования. Перед таким обобщением также встает задача всестороннего освещения и исследования проблемы, которую психоанализ не в состоянии решить своими силами. Этот синтез должен будет показать, каким образом бессозна-

тельные влечения, которые анализ рассматривает как определяющие факторы становления и сущности религии, относятся к продуктам сознательной и высшей душевной деятельности; наряду с примитивными функциями бессознательного он должен отграничить сферу действия других функций психического аппарата. Не требуется особенного дара пророчества для того, чтобы предположить, что комплексный подход сделает очевидным определяющее значение связей, раскрытых психоанализом. Когда психоанализ раскроет природу самых глубоких слоев психического аппарата и объяснит значение этих слоев для его дальнейшего развития, то форму и содержание самой постройки, возведенной на таком основании, нетрудно будет изучить. При ее исследовании то и дело придется сталкиваться с решающим влиянием предпосылок, заключенных в глубинных измерениях психики, на устройство и функционирование целого. В сфере исследования религии явления бессознательного будут снова и снова требовать к себе пристального внимания¹³.

II.

Что же касается того, что в предлагаемых четырех работах на первом плане стоит религиозный *ритуал*, то здесь автор может сослаться на то, что такой исходный пункт научного анализа религии уже испытан. Путь к первичному аналитическому пониманию религиозных явлений начался с обрядов верующих, которые *Фрейд* сравнил с навязчивыми действиями и религиозными церемониями невротиков. Вышедшая в 1907 году небольшая статья Фрейда «Навязчивые действия и религиозные обряды»¹⁴

¹³ В первом издании за этими словами следовала фраза: «В противном случае возникнет опасность возвести здание, которое может быть опрокинуто любым порывом ветра». – *Прим. Д. Дамте*.

¹⁴ Эта работа Фрейда была переведена на русский язык в 1911 г. и опубликована в журнале «Психотерапия. Обзорение вопросов психического лечения и прикладной психологии» (1911, № 4-5; 1912, № 1-6). 54. Современный перевод: *Фрейд З.* Навязчивые действия и религиозные обряды. Пер. с нем. О. Лежниной //

показала, какие новые, неожиданные и глубокие разъяснения может дать сравнение религиозных и невротических обрядов. Также в работе «Тотем и табу», которая до сих пор остается и, возможно, навсегда останется самым значительным достижением психоанализа в сфере наук о духе, Фрейд, аналитически исследуя аффективную основу веры в табу и анализируя жертвенный ритуал, раскрывает элементы чувств, которым религия обязана своим происхождением.

Таким образом, психологические и исторические основания в равной мере указывают на то, что целесообразно начинать аналитическую разработку проблем религии именно с ритуала. Аналитическое исследование обряда обнаруживает мотивы, которые привели к его образованию, а также психические пути, которыми шло его развитие. Психоанализ способствует этому, раскрывая природу тех сил, которые вытесняют психический материал в бессознательное, как и тех, которые подвергаются вытеснению, – о последних мы узнаем из факта их возвращения (*Wiederkehr*). Церемониал невроза навязчивых действий являются первым и самым доступным объектом, с которого следует начинать аналитическую работу: раскрывая его смысл, мы получаем ключи к психическому фундаменту, на котором он возникает. Именно то, что ритуал имеет ярко выраженный характер действия, дает ему эвристическое преимущество перед чисто умозрительными представлениям, заповедями и запретами, догматами и сложными чувствами, которые позднее становятся основным содержанием религии. Симптомы навязчивости, проявляющиеся в действиях больных, на первый взгляд бессмысленных и несущественных, для психоаналитика с самого начала являются более показательными, чем сложные и глубокие размышления и мыслительные цепочки того же больного, значение которых зачастую может быть истолковано только регрессивно, исходя из смысла невро-

тического церемониала. Это сравнение выходит за рамки формального и чисто внешнего и может относиться к сущностному тождеству религиозного и невротического психического процесса. Невроз представляет собой попытку индивида решить те же самые проблемы, с которыми пытаются справиться большие институты человеческого общества. При этом нужно, конечно, заметить, что именно отступление социального фактора на второй план и перевес сексуального являются отличительными признаками невротизма, а это делает решение проблем невозможным. Таким образом получается, что невротизм становится карикатурами значимых достижений человечества. Невроз навязчивых состояний, в частности, становится карикатурой религии, а церемониал больных этим невротизмом – непроизвольной карикатурой религиозного церемониала¹⁵. Как раз неудача в решении психологической задачи и происходящая отсюда карикатурность симптомов больных невротизмом навязчивости указывают на черты, свойственные религии, выступающие при невротизме в неестественно увеличенном масштабе и в патологически грубой форме; отступление социального момента дает возможность этим чертам выступить ярче, чем в общественных учреждениях.

Когда мы ставим ритуал во главе исследования религиозных вопросов, мы вполне сознаем, что это оправдывается только эвристическими преимуществами и что ритуал отнюдь не представляет собой элементарного продукта религии, в первую очередь подлежащего психологическому анализу. Напротив, он предполагает очень сложные душевные процессы, послужившие поводом к его образованию. Мы также не хотим утверждать, что по отношению к сущности религии ритуал имеет одно значение: он может быть определен только как способ выражения глубоко лежащих и трудно находимых на других путях психических процессов. Религиозные обычаи как таковые – и в

¹⁵ См.: Фрейд З. Будущее одной иллюзии. (Невротизм навязчивых состояний как карикатура религии у Фрейда появляется впервые в работе «Навязчивые действия и религиозные обряды». Далее это сопоставление разрабатывается им в книге «Тотем и табу». – Прим. Д. Дамте.).

этом еще одно преимущество – обнаруживают удивительную стойкость к инородным влияниям. Конечно, и они также подвержены изменениям самого различного характера, но успехи культуры и трансформации человеческого общества могут повлиять на них в значительно меньшей степени, чем на религиозные представления, догматы и другие религиозные образования.

Все, что можно было сказать о ритуале и религиозном обычае как исходном пункте исследования, в энергичной и ясной форме было выражено Робертсоном Смитом во введении к его «Лекциям по религии семитов». Этот ученый утверждает, что во всех древних религиях миф занимает место догмата и что только его содержание могло дать объяснение религиозных предписаний и установленного порядка ритуала. Но это содержание не имело для религиозных людей никакой обязательной силы; если даже они в точности соблюдали ритуал, то никто не заботился о том, чтобы объяснить его происхождение. Вера в некоторое число мифов не являлась ни частью обязанностей истинной религии, ни заслугой.

«Поскольку мифы представляют собой объяснения обрядов, их значение второстепенно, и можно с уверенностью утверждать, что почти в каждом случае миф произошел из обряда, а не наоборот» (цит. по: [4, с. 319]).

В отношении таких случаев <Робертсону> Смит кажется очевидным, что миф является только истолкованием религиозного обычая. Исследователь оспаривает исключительное положение, отведенное мифологии в научных трудах по древним религиям.

Утверждение <Робертсона> Смита, правда, нельзя принять без определенных поправок и ограничений. Миф старше религии; он представляет собой древнейшую компенсацию желаний человечества в его постоянной борьбе с внешним и внутренним принуждением. По своему происхождению миф восходит к временам анимизма и поэтому имеет большое значение для нашего понимания первых психических конфликтов примитивных людей. Однако, если древнейшие мифы берут свое начало в дорелиги-

озной стадии, черты которой можно заметить даже в позднейших мифологических преданиях, то все же рано или поздно они вступают в связь с религиозными культами и сливаются с ними. Ведь и там, и здесь мы встречаем одни и те же аффекты, желания и тенденции, сохраняющие свое влияние, которые можно считать бессознательными корнями религии и мифа в коллективной психике. Следует даже признать, что в мифе в его первоначальной форме воспоминания о тех событиях, которые привели к созданию религии, сохраняются в более чистой форме, чем в других проявлениях творчества фантазии, в которых просматривается участие бессознательных сил и сил вытеснения. Однако для своего времени Робертсон Смит был, разумеется, прав, ведь наука тогда еще не имела средств ретроспективного исследования искажений и изменений мифов и не могла обнаружить их скрытый первоначальный смысл. С тех пор как психоанализу удалось провести такое толкование, значение мифов для психологии народов существенно возросло. Здесь не следует вдаваться в обсуждение трудной проблемы соотношения мифа и религии, ожидающей своего решения. Ясно, однако, что замечания Смита относительно позднейших форм мифа верны: «этиологический» миф действительно имеет второстепенное значение для познания религиозных вопросов, хотя его ближайшее отношение к ритуалу заслуживает большего внимания. С эвристической точки зрения, опираясь на идеи Смита, мы при исследовании религии будем пока ставить ритуал на первое место. Это представляется вполне допустимым, только если постоянно иметь в виду, что такое предпочтение является временным и что таким образом еще ничего не сказано окончательно о ценности и значении ритуала для религии.

В следующих статьях¹⁶ приводятся четыре примера религиозных обрядов, анализ которых раскроет роль бес-

¹⁶ Книга «Проблемы психологии религии», которой Райк предпослал это введение, состоит из четырех частей (статей): «Кувада и психогенез боязни возмездия», «Ритуалы переходного возраста у примитивных народов», «Кол Нидре» и

сознательных факторов, механизмов аффективной жизни и влияние сознания в происхождении и развитии ритуала. При этом мы специально выбрали такие религиозные обычаи, которые практикуются и в настоящее время, так как нужно было показать, что в позднейших формах религий проявляются те же душевные силы и по тем же законам, что и на первых ступенях их развития. Затем будет показано, что применение психоаналитического метода дает возможность реконструировать природу первоначальных влечений, следствием которых стал религиозный ритуал, переходя от выражения и скрытых тенденций, которые обнаруживаются в ритуале в настоящее время, к способам выражения и тенденциям, относящимся к эпохе его возникновения. Итак, анализ религиозного ритуала будет подготовкой к анализу мифа, догматов и культа подобно тому, как изучение обрядов больных неврозом навязчивости снова и снова подводит врача к пониманию более значительных явлений из области их сновидений, угрызений совести, их навязчивых действий и представлений¹⁷.

III.

На каком именно религиозно-историческом материале исследуется деятельность бессознательных психических сил, особого значения не имеет: психические тенденции всюду одни и те же и различия между расами на самых ранних ступенях человеческого развития не играют большой роли. Поэтому неудивительно, что в этой книге проблемы религиозной жизни современных дикарей будут рассматриваться в одном ряду с вопросами, касающимися ветхозаветных культов. Нельзя упускать из виду, что культурный уровень тех народов, которым Европа обязана

«Шофар». Об этих ритуалах см. здесь прим. 16 в нашей статье, предвещающей публикацию. – *Прим. Д. Дамте.*

¹⁷ С тех пор автор постарался продолжить свои исследования по психологии религии в указанном направлении (См.: «Der fremde und der eigene Gott» (1923), «Dogma und Zwangsidee» (1927)).

своей этикой и религией, когда-то был также низок, как уровень австралийских негров. Не всегда евреи были носителями морали и религиозной мысли, ядро которой до сих пор принимается культурными народами. Культурный рост евреев, как и других племен, происходил очень медленно. Несмотря на достигнутую евреями впоследствии высоту культурного уровня, в их традиции сохранились черты, свидетельствующие о бедности и грубости их внешней и внутренней жизни в те времена, когда, разрушая и завоеывая, они вместе с другими семитскими племенами вторглись в долину Иордана. С другой стороны, не надо забывать, что современные дикари прошли уже длинный путь развития, на котором достигли многочисленных и значительных культурных успехов. Просто переключиться в исследовании с одного ряда культурного развития на другой невозможно уже вследствие различий во внутренних и внешних моментах, которые обнаружились в течение столетий. Принимая во внимание все различающиеся и разделяющие факторы, мы сможем все же получить некоторые объяснения с помощью сравнительного анализа. Непрерывность душевной жизни человека, подтвержденная психоанализом, дает возможность говорить о совпадении существенных элементов в различных рядах культурного развития. Для психолога нет причин различать так называемые позитивные религии, религии Откровения и т.д., так как его задачей является исследовать само Откровение как психический процесс.

История еврейства, насколько мы можем ее проследить в настоящее время, наталкивает нас на целый ряд проблем, более интересных для психолога, чем для историка. Вопрос о жизнеспособности еврейского народа, преодолевшего все бури, о его обособленности подлежит не только биологическому или историческому исследованию. Психические факторы также должны были содействовать формированию таких особенностей. Загадка влияния идей, исходивших из маленькой Иудеи, судьба их духовных воплощений и изменений не могут быть поняты без психоанализа.

Два фактора определяют судьбу конкретного человека, также как и целого народа, – это его задатки и его опыт¹⁸, *δαίμων* и *τύχη*. Возможно, психическая конституция, с которой человек приходит в мир, есть просто осадок переживаний его предков, того, что некогда выпало на их долю. Задача науки проследить этот ряд переживаний народов в обратном порядке настолько глубоко, насколько это возможно. Следовательно, чтобы познать своеобразие народа и понять, как и почему он сформировался именно таким, какой он есть, нужно изучить его историю. История раскрывает строгую закономерность не только внешних событий, но и психических процессов в длительном развитии народа.

О начале истории израильского народа почти ничего не известно. Где-то в середине второго тысячелетия до нашей эры воинственные племена, двигавшиеся с Аравийского полуострова, вторглись в плодородные ханаанские земли, где египетская культура вошла в тесное соприкосновение с вавилонской. Первое свидетельство их появления мы получаем из таблиц, найденных в области расположения племени бедуинов эль Амарна, южнее Каира. Мы должны согласиться с тем, что народы хабири и сагаз, из-за голода устремившиеся в восточную и западную область Иордана, принадлежали к той большой группе евреев, от которой, вероятно, и произошел впоследствии израильский народ. Победители пришли из восточной пустыни. Может быть, связь израильтян с Хараном и страной «сынов Востока», о которой говорится в преданиях, значительна как раз потому, что восточная Армения между Дамаском и Хараном действительно некогда была родиной этих кочующих племен. В преданиях и в древних свидетельствах эти племена почти всегда представляются мирными; суровая и дикая жизнь прежних поколений почти забыта. Только Иаков и Авраам иногда описываются как

¹⁸ В оригинале здесь стоит слово «Erleben» (переживание), которое Райк часто употребляет в широком смысле, имея в виду человеческий опыт, пережитое. – *Прим. Д.Дамте.*

воины и борцы. Сказания о происхождении этих племен всегда прямо говорят о жизни полукочевников, земледельцев и скотоводов.

Земля Ханаан, в которую вторглись эти в то время еще неизвестные своими культурными достижениями племена, стала ареной развития народа, которому было суждено на тысячелетия определить ход развития культуры. Небольшое пространство от подножия Ливана до пустыни, лежащей между Аравией и Азией, от Средиземного моря до Сирии, стало местом возникновения великих идей, завоевавших мир. Подобно римлянам, евреи однажды также покорили мир, и их победа оказалась более прочной, чем победа римлян.

Судьба еврейского народа неразрывно связана с судьбой его религии. В древности религия не была частным делом, как теперь. Она составляла часть организованной социальной жизни и гражданского бытия. Тот, кто покидал Родину, покидал и ее богов. Как далеко мы ни заглянем в глубь истории, мы всегда найдем сообщества с установленными религиозными обрядами, выполнение которых предписывается отдельным их членам. Неисполнение этих обрядов влечет за собой исключение из сообщества. Для нас, европейцев, наблюдать тесное сплетение судьбы народа и судьбы его религии ближе и нагляднее всего на примере евреев. Религия, как мы уже знаем, создается психическими факторами, рождается под влиянием психических сил. Поэтому тот, кто занимается историей евреев, неизбежно сталкивается с роковым вопросом о том, какие психические силы доминируют в религии и в национальной истории евреев и, соединяясь или враждуя между собой, управляют ходом их развития. Многогранное прошлое евреев, ненормальность условий их жизни и, наконец, загадка их выживания - все эти вопросы должны интересовать психоаналитика тем более, чем яснее становится, что психология сознания (*Bewußtseinspsychologie*) не может дать на них удовлетворительного ответа. Погружаясь в историю и своеобразную культуру еврейского народа, он почувствует, что активные события

бессознательного характера, прежде не замеченные, принимали (и принимают) весьма активное участие в их развитии.

Более подробное исследование могло бы успешно вывести нас далеко за пределы изучения иудейства в двух направлениях. Согласно получающей все большее научное подкрепление идее, основание круга идей и чувствований христианской религии коренится в иудаизме. Христос пришел не нарушить закон, а исполнить. Христианская религия является продолжением и развитием религии евреев. Поэтому анализ проблем иудаизма должен пролить свет на бессознательные движения, которые определяют происхождение и сущность христианства. Таким образом в сферу аналитического исследования религиозной психологии вводится одно из оснований современного культурного мира и на этом пути, может быть, легче всего раскрывается динамика его бессознательных процессов.

Анализ основных ступеней развития еврейского народа может, однако, получить особую ценность и значение для религиозной психологии и в другом направлении. Он может помочь в раскрытии психологических корней притязания народа на богоизбранность, на исключительность отношений между божеством и верующими. Можно показать, что эта вера в богоизбранность в различных формах входит в религию любого первобытного народа. Вполне возможно, что она происходит из психических моментов, не имеющих специфически религиозной природы. Такое притязание в преобразованном, не ограниченном рамками одной нации виде мы можем найти и в религиях культурных народов. Особенно ясное выражение этой веры в иудаизме лучше всего подходит для целей аналитического исследования.

Архаическое слияние религии и народа, которое начинает распадаться только у современных евреев, дает надежду на то, что аналитическое исследование религии евреев выяснит кое-что о бессознательных процессах, участвующих в создании их особенной судьбы. Подобных объяснений до сих пор не могла предложить ни антропо-

логия, ни археология, ни история, ни национальная экономика, ни какая-либо другая наука. При чтении научной литературы по комплексу проблем, объединенных под вводящим в заблуждение названием «еврейского вопроса», часто вспоминается веселый диалог из пьесы Мольера. Он происходит во втором действии комедии «Плутни Скапена» между скупым отцом и слугой его сына. Слуга Скапен с испуганным видом рассказывает, что с его молодым господином Леандром случилось несчастье. Владелец турецкой галеры, стоявшей у пристани, пригласил Леандра на свое судно и стал осыпать его любезностями, как вдруг галера снялась с якоря и уплыла. Ему, Скапену, турки поручили достать у отца Леандра пятьсот талеров выкупа за похищенного сына. Отец, Жеронт, задает вопрос: «Кой черт понес его на эту галеру?»¹⁹ А слуга уклончиво отвечает: «Ваша правда, только поторопитесь». Снова и снова потрясенный Геронт повторяет тот же вопрос, но хитрый Скапен торопливо начинает говорить о чем-то другом, настаивает на спешности, напоминает об опасности, в которой находится молодой Леандр и т.д. Нередко даже очень богатые выводы научные работы по еврейскому вопросу напоминают эту игру вопросов и ответов. «Кой черт понес его на эту галеру?» – вот роковой вопрос, который следует задать. Необходимо исследовать не только внешние условия своеобразно сложившейся судьбы евреев, но также и те психические силы, которые заставили их идти длинным полным испытаний путем. Уже сейчас можно с уверенностью сказать, что бессознательным психическим процессам, протекающим в душе еврейской нации, должно принадлежать решающее значение в создании именно такой судьбы и такой религии. Вместе с другими факторами, то есть, хозяйственными отношениями, природой, климатом страны, они определяли развитие судьбы евреев в том или иной направлении.

¹⁹ Здесь и далее фрагменты из комедии Мольера «Плутни Скапена» приводятся в переводе Н. Дарузес по изданию: *Ж.-Б. Мольер. Собр. соч.* В 2 тт. Т. 2. М., ГИХЛ, 1957. – *Прим. Д. Дамте.*

Нас могут, конечно, спросить, так ли необходимо столь сильно углубляться в историю развития психологии народа для того, чтобы раскрыть его своеобразие, действительно ли психические переживания далеких предков, отразившиеся в религии, существенны для понимания современного иудейства. Мы можем ответить на этот вопрос ссылкой на необходимость регрессивного исследования при анализе конкретного человека. Душевные конфликты, также как и многие важные характерные черты индивидуума, нельзя до конца понять без анализа его раннего детского возраста. Переживания и впечатления тех лет следует учитывать точно так же, как события и впечатления периода юношества и зрелого возраста. Мы полагаем даже, что в переживаниях «доисторического» детства заложено основание более поздних опытов и что душевным процессам этих лет, ставшим позднее бессознательными, принадлежит особенное место в психической жизни человека.

Свойство психических процессов сохранять устойчивость далеко за пределами одного поколения заставляет нас считаться с тем, что психические события прошлого, постоянно обновляющиеся в бессознательной душевной жизни, продолжают оказывать воздействие на нас. Опыт наших предков сохраняет свое значение для нас точно так же, как наш собственный опыт будет значителен для наших потомков. Многое из того, что мы давно похоронили и считали изжившим себя, в скрытом виде продолжает жить в нас и определяет ход нашей жизни. Это мертвецы, которых нужно убить, как говорят французы²⁰.

²⁰ В оригинале приводится выражение «Il est des morts qu'il faut qu'on tue». – Прим. Д. Дамте.

Библиография к главе 1:

1. *Дамте Д.С.* Исследователи советского периода о сближении психологии бессознательного и теологии // Вестник ПСТГУ. Серия 1 «Богословие. Философия». – 2013. – № 3 (47). – С. 101 – 111.
2. *Дамте Д.С.* Психоанализ в деле пастырского служения: сравнительный анализ подходов Оскара Пфистера и Ойгена Древермана // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». – 2013. – № 1. – С. 73 – 86.
3. Психологическая и психоаналитическая библиотека под ред. проф. И.Д. Ермакова 1922 – 1925 гг.: Библиографический указатель. – Ижевск: Ergo, 2010.
4. *Робертсон Смит У.* Лекции по религии семитов. Пер. с англ. Е.Е. Галенко // Классики мирового религиоведения. – М.: Канон, 1996. – С. 305 – 325.
5. *Reik T.* Arthur Schnitzler als Psycholog. – Minden (Westfalen): J. C. C. Bruns, 1913.
6. *Reik T.* The creation of woman: A psychoanalytic inquiry into the myth of Eve. – New York: Braziller, 1960.
7. *Reik T.* Dogma und Zwangsidee. Eine psychoanalytische Studie zur Entwicklung der Religion. – Leipzig – Wien – Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1927.
8. *Reik T.* Das Kainszeichen. Ein psychoanalytischer Beitrag zur Bibelerklärung // Imago. Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften. – Bd. V. – Leipzig – Wien, 1919. – S. 31 – 42.
9. *Reik T.* Flaubert und seine "Versuchung des Heiligen Antonius". Ein Beitrag zur Künstlerpsychologie. – Minden (Westfalen): J.C.C. Bruns, 1912.
10. *Reik T.* Freud als Kulturkritiker. – Wien: Max Präger-Verlag, 1930.
11. *Reik T.* Lust und Leid im Witz. Sechs psychoanalytische Studien. – Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1929.
12. *Reik T.* Mystery on the Mountain. – N.Y. & Chicago: Harper, 1959.

13. *Reik T.* Myth and Guilt: The Crime and Punishment of Mankind. – New York: Braziller, 1957.
14. *Reik T.* Probleme Der Religionspsychologie. I. Teil: Das Ritual. – Leipzig – Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1919.
15. *Reik T.* Pagan Rites in Judaism; From Sex Initiation, Magic, Moon-Cult, Tattooing, Mutilation and Other Primitive Rituals to Family Loyalty and Solidarity. New York: Farrar, Straus and Co., 1964.
16. *Reik T.* Psychoanalytische Studien zur Bibelexegese // Imago. Zeitschrift für Anwendung der Psychoanalyse auf die Geisteswissenschaften. Bd. V. Leipzig – Wien, 1919. S. 325 – 363.
17. *Reik T.* Die Pubertätsriten der Wilden // *Reik T.* Das Ritual. Psychoanalytische Studien. 2. Auflage. – Leipzig – Wien – Zürich, 1928. – S. 90 – 135.
18. *Reik T.* Das Ritual. Psychoanalytische Studien. – Leipzig – Wien – Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1928.
19. *Reik T.* Warum verliess Goethe Friederike? – Wien: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1930.

Д.С. Дамте

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА (И.П. Давыдов)	3
ПСИХОЛОГИЯ РЕЛИГИИ. Введение (А.А. Бурнашева)	6
<u>Раздел первый. ЗАПАД</u>	18
Глава 1. ТЕОДОР РАЙК и его взгляд на основные проблемы психологии религии (Д.С. Дамте)	19
Публикация перевода: Теодор Райк. РИТУАЛ. ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ. Предисловие проф. З. Фрейда (1919)	29
Глава 2. АНТРОПОЛОГИЯ РЕЛИГИИ ПАУЛЯ РЭДИНА И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАРЛА ГУСТАВА ЮНГА: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ (В.В. Барашков)	51
§ 1. Психологическая типология первобытных людей	54
§ 2. Психологическая интерпретация мифов североамериканских индейцев	63
§ 3. Критика концепции «пралогического» мышления первобытного человека	66
Глава 3. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ ТЕОДОРА АБТА (В.В. Винокуров)	73
Глава 4. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОБРАЗОВ АРХЕТИПОВ КОЛЛЕКТИВНОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО (И.П. Давыдов)	98

<u>Раздел второй. ВОСТОК</u>	148
Глава 5. ПСИХОПРАКТИКИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ МАХАЯНЫ (С.В. Дмитриев)	149
§ 1. Школа Саньлунь.	159
§ 2. Школа Фасян.	171
§ 3. Школа Хуаянь.	189
§ 4. Школа Тяньтай.	205
§ 5. Краткий обзор истоков дальневосточной Ваджраяны	226
§ 6. Дальневосточный амидаизм.	230
§ 7. Чань-буддизм	244
ПОСЛЕСЛОВИЕ (Об авторах)	330
СОДЕРЖАНИЕ	332